

Поэтому он дрожащей рукой повернул ручку двери ее спальни и вошел.

Конечно, свет не горел, но огромная Луна впускала в комнату изрядную долю света. Когда он шел, почти как зомби, к кровати, он увидел Джессику, лежащую на боку, спиной к двери—и, следовательно, к нему. Ее рука, казалось, была прикреплена к месту между ног.

Она была совершенно голая.

Он увидел ночную рубашку, которая, должно быть, была на ней: она была небрежно отброшена в сторону и теперь лежала на полу рядом с кроватью. Теперь стоны становились все громче—и, без сомнения, именно поэтому она не слышала, как открылась дверь и ее сын машинально вошел в комнату. Только когда он встал почти прямо над ней, заслонив часть лунного света, она поняла, что была не одна.

Сразу же прекратив движение своей руки, она посмотрела вверх и через плечо.

- О боже! - Грант!- воскликнула она взволнованным шепотом. -Что ты здесь делаешь?- Она изо всех сил старалась прикрыть руками свои выдающиеся части—грудь и пах.

Грант никогда не мог припомнить, чтобы видел свою мать обнаженной. Может быть, это случилось, когда он был совсем маленьким, и она только что купала его, но он никак не мог этого помнить. Теперь, глядя на нее сверху вниз, он видел только ослепительно красивую женщину с изящными изгибами груди, бедер и даже икр, и лицо ее, искаженное тревогой и смущением, было таким же прекрасным, как все, что он когда-либо видел.

- Грант, пожалуйста!- в отчаянии воскликнула она. -Ты не должен быть здесь!"

Единственное, что он чувствовал, это то, что я помешал ей достичь кульминации своих желаний. Вот это позор.

- Я хочу помочь, - глухо сказал он, а затем опустился на колени, мягко положил руку на бедро матери, чтобы заставить ее лечь на спину, а затем раздвинул ее ноги обеими руками.

- Боже мой, Грант, что ты делаешь?"

Он не ответил, но вместо этого уткнулся лицом в промежность своей матери.

Она была вся мокрая, некоторые из ее соков покрывали внутреннюю сторону бедер. Первоначальный вкус ее влажности был наэлектризован; как Грант убедился на собственном опыте, соки каждой женщины имели разный вкус, иногда даже очень сильный. Некоторые из них были едкими, некоторые-почти сладкими, а некоторые вообще не имели заметного вкуса.

Соки джезиски были слегка сладковатыми, и когда он продолжал поглощать их и посылать в свое горло, одновременно работая губами и языком над ее половыми губами и клитором, он почувствовал странный вид единения с существом, которое родило его двадцать лет назад. Тогда он вышел из этого отверстия, и теперь он обслуживал ее как своего рода компенсацию за боль, которую она, должно быть, чувствовала во время родов.

Что же касается Джессики, то ее чувства были более чем смешанными. Хотя она и была внешне потрясена этим внезапным Эдиповым поступком со стороны сына, какая-то глубоко скрытая часть ее души заставила ее задаться вопросом, действительно ли что-то не так с тем, что происходит. Прошло уже много лет с тех пор, как она чувствовала себя матерью Гранта: в

тот момент, когда он стал выше и сильнее ее, ее способность сдерживать и дисциплинировать его исчезла. Временами его присутствие пугало ее, а иногда она с трудом понимала, что они вообще связаны. Но в другое время—и сейчас было именно такое время—она втайне признавалась себе, что Грант удивительно похож на мужа, который бросил ее; мужа, которого она впервые встретила, когда он был примерно ровесником Гранта. Эта мысль отбросила ее назад, к ее собственной юности и молодости, когда ее красота, обаяние, ум и динамизм сделали ее отчаянно желанным призом для многих привлекательных мужчин.

И поэтому она положила руку на голову Гранта, когда он лизал и сосал ее лоно, его руки теперь обхватывали ее ягодицы и наслаждались их твердыми и мясистыми изгибами. Вся общепринятая мораль требовала, чтобы она отстранила его голову и приказала выйти из комнаты; но вместо этого ее рука мягко лежала на макушке сына, фактически удерживая ее на месте. Господи, да он же знает, что делает!

Через несколько минут она начала ощущать это предательское ощущение, идущее от кончиков пальцев ног до самой головы, что означало вершину ее желания. Ее тело сотрясала дрожь, а другой рукой она сжимала свои собственные груди, издавая что-то похожее на крик, когда ошеломляющий оргазм захлестнул ее.

Она выгнула спину и подняла ноги, сжимая сосок, чтобы усилить оргазм. Ее крики превратились в какое—то удушливое рыдание, когда ею овладел какой—то рудиментарный стыд за то, что она испытала оргазм—и выражала его столь бесстыдно—в присутствии своего сына; но в основном она была просто пропитана головокружительным чувством высшего удовольствия-удовольствия, полученного, впервые за много лет, от чьей-то помощи, а не от своей собственной.

Изо всех сил пытаясь взять себя в руки, она огляделась вокруг, чтобы посмотреть, сможет ли натянуть простыню на свое обнаженное тело. Но она лежала поверх простыни и одеяла, так что это было невозможно. Тщетность прятать свою наготу от сына заставила ее в изнеможении откинуться на спинку кровати, вытянув перед собой руки.

Она посмотрела вниз на Гранта, когда он смотрел на нее, его голова все еще была всего в нескольких дюймах от ее лона. - Грант, это было очень нехорошо с твоей стороны. Тебе не следовало этого делать."

-Тебе это не понравилось?- сказал он наивно.

Она тут же покраснела. -Ну, конечно, мне это нравилось, но не тебе . . . ты же мой ...

Грант не дал ей закончить фразу. Он резко встал, и она сразу же увидела палатку, которая появилась в его боксерах. Все еще находясь в каком-то оцепенении, Грант разделся, и Джессика пристально посмотрела на большой, стоящий перед ней член.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз видела своего сына обнаженным—вероятно, когда ему было не больше восьми или девяти лет, задолго до того, как его орган полностью развился. Она прекрасно понимала, что он в некотором роде повеса, и чувствовала, что с этим ничего не поделаешь; во всяком случае, она не могла ничего поделать, поскольку он совершенно ясно дал ей понять, что ее критика в этом вопросе ничего не значит.

Теперь же, видя, как этот твердый, как камень, член дрожит у самого ее лица, она испытывала некоторую гордость за то, что могла вынести столь впечатляющий образец мужественности. Ее муж точно не был Адонисом в сексуальном отделе, но о превосходстве Гранта в этом отношении не могло быть и речи.

И поэтому, когда он опустил свой член на уровень ее губ, она, казалось, почувствовала странную обязанность взять в рот как можно больше его содержимого.

Это совершенно уникальное слияние каменной твердости и бархатной мягкости, которое может иметь эрегированный член, было чем— то, что она не испытывала из первых рук в течение многих лет, и даже при том, что это был член ее сына-моего собственного сына!- она жадно использовала губы и язык, чтобы довести его до еще большей твердости. Она протянула руки, чтобы схватить Гранта за ягодицы, наслаждаясь тугими мышцами и милой маленькой ямочкой на каждой ягодице. Она гадала, не собирается Ли Грант послать свое семя ей в глотку, но у него на уме было совсем другое. После нескольких минут оральной стимуляции он вытащил свой член изо рта матери и опустил на нее сверху.

- О, Грант, нет . . . ты не должен. . ."

Но остановить его было невозможно. Глядя на нее сверху вниз с неестественным спокойствием, он двигал бедрами так, что его член нашел ее расщелину, все еще влажную от оргазма. Хотя она номинально чувствовала необходимость сопротивляться этому АКМУ кровосмесительного Союза, она бессознательно подняла ноги и согнула колени, чтобы облегчить ему вход. И когда он вошел в нее полностью, она испустила огромный вздох от новизны этого ощущения.- О Боже! Сколько лет прошло с тех пор, как у меня был большой, твердый член во мне? Слишком долго, слишком долго. Я знаю, что мне это не должно нравиться, но ничего не могу с собой поделать!

Поначалу он качал ее мягко, потом более энергично. Сначала он держал свои руки вытянутыми так, чтобы можно было смотреть на ее обнаженную фигуру, но вскоре он позволил своему телу упасть на нее, наслаждаясь ощущением ее тяжелой, красивой груди на своей груди. Время от времени он наклонялся под нее, чтобы схватить за ягодицы, а в какой-то момент просунул руку между их телами, словно желая убедиться, что действительно совершил акт совокупления с собственной матерью.

Она не могла удержаться, чтобы не обнять его за шею, иногда поглаживая по спине, а иногда притягиваясь к его великолепному задку, потирая и поглаживая его, как будто это была любимая кошка. Его темп теперь увеличивался, и она знала, что он был готов взорваться. И когда он сделал это, хрюкая ей в ухо и посылая множество толчков своей жидкости глубоко в нее, она почувствовала, что произошло нечто поистине катастрофическое—но ни в коем случае не отвратительное или ужасающее.